

ЛАВРЕНТЬЕВ И ГЕНЕТИКА

19 ноября исполняется 112 лет со дня рождения Михаила Алексеевича Лаврентьева. Жизнь этого удивительного человека – крупного учёного, гениального организатора и незаурядной личности – давно стала историей.

*Ю. Чёрная,
специально для «НВС»*

В современном мире с именем Лаврентьева связано многое не только в науке, но и в повседневной жизни сибирских научных центров. В новосибирском Академгородке любые изменения (от создания новых институтов до вырубки деревьев) и сегодня равняют по Его мнению: А что бы сказал Лаврентьев? Так ли он видел будущее своего детища?

Среди заслуг Лаврентьева не только научные открытия в области математики и механики, организация Сибирского отделения наук и создание уникального научного центра, но и большой вклад в спасение отечественной генетики — науки, которая, казалось бы, не входила в область его научных интересов. События, связанные с этой страницей биографии Михаила Алексеевича, мы попытались восстановить вместе с академиком Владимиром Константиновичем Шумным, двадцать два года возглавлявшим Институт цитологии и генетики СО РАН. Директором института он стал в 1985 году, а до этого с 1970 года был заместителем директора у Дмитрия Константиновича Беляева. И в те годы, оставаясь и.о. директора во время отъездов Беляева, Владимир Константинович часто общался с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым, тогда ещё работавшим Председателем СО АН СССР. Академик Шумный работает в Сибирском отделении с 1958 года, а значит, он был очевидцем и непосредственным участником удивительных событий того времени.

18 мая 1957 года Совет Министров СССР принял Постановление о создании СО АН СССР, а 7 июня того же года Президиум АН СССР постановил организовать в научном городке г. Новосибирска (тогда он ещё не назывался Академгородком) 10 научных институтов, в том числе два биологических: Институт экспериментальной биологии и медицины и Институт цитологии и генетики. Появление последнего было для многих большой неожиданностью, а со стороны организаторов настоящим подвигом. «Лженаука», «продажная девка империализма» — какими только эпитетами не наделяли в то время генетику, которая была фактически под запретом с 1948 года, после легендарной августовской сессии ВАСХНИЛ.

— Но небольшие очаги, где генетики продолжали работать, всё же были, — поясняет Владимир Константинович Шумный. — А принципиальные изменения начались в 1955 году. Тогда академик И. В. Курчатов организовал в защиту генетики так называемое «письмо трёхсот», которое подписали все выдающиеся учёные СССР: физики, химики, биологи, гуманитарии и т.д. Не было подписей только самого Курчатова и президента Академии наук Несмеянова: будучи членами ЦК КПСС, они не могли противоречить линии партии. Письмо дошло до Хрущёва, но никакого эффекта не оказало. (Академик И. Ф. Жимулёв восстановил это письмо по архивам Н. П. Дубинина и опубликовал его в Вестнике ВОГиС со всеми подписями кроме двух, которые восстановить не удалось). Курчатов был заинтересован в развитии генетики, и в первую очередь, генетики радиационной. Несмотря на активные ядерные исследования, действие радиации на живые системы изучено не было: не знали ни летальных доз, ни безопасных.

Прямой реакции на письмо не было, и всё же ситуация постепенно начала меняться. Однако, появление института, который не просто занимался «лженаукой», но и открыто заявлял об этом в своем названии, было нонсенсом.

— Институт не зря называли Институтом цитологии и генетики: надеялись, что первое, мало кому известное слово «цитология» отвлечет внимание от «генетики», — улыбаясь, говорит Владимир Константинович.

Руководить и создавать новый институт пригласили Николая Петровича Дубинина:

— В 1957 году мне позвонил М. А. Лаврентьев и сказал, что мы о Вашей лаборатории (радиационной генетики в московском Институте биофизики) знаем, довольны ею, но что мы откроем для Вас в Сибири «зеленую улицу», — пишет в своих воспоминаниях Николай Петрович. — В том же 1957 году и был создан Институт цитологии и генетики, который стоял на совершенно чётких современных научных позициях. Я собрал по стране остальных генетиков. Ю. Я. Керкис приехал из Таджикистана, где руководил каракулеводческим совхозом; П. К. Шкварников — с Украины, где был председателем колхоза; З. С. Никоро оставила музыкальную школу; Д. К. Беляев работал в Институте пушного звероводства; Ю. П. Мирюта был агрономом на Украине. Все они слетелись в Новосибирск, причем мне их особенно и приглашать не надо было: они все рвались работать по генетике. Конечно, давление сибирский институт испытывал страшное. За год там побывало несколько комиссий из ЦК КПСС, из Сельхозотдела, причем с сотрудниками Академии наук. В них участвовали Н. И. Нуждин, И. Е. Глущенко и им подобные. Все они давали институту положительную оценку (в том смысле, что в нем работа идёт, печатаются статьи, но направление его в корне порочное). Когда уехала вторая комиссия, то М. А. Лаврентьев с нами в узком кругу пошутил: «Да, вот это мужики-ежики, в голенищах ножики».

— Уже уйдя с поста председателя, Михаил Алексеевич частенько заходил к нам в институт или домой к Беляеву в моем присутствии, — вспоминает академик Шумный. — Мы пили чай, иногда белое вино, и часами разговаривали. Он очень любил вспоминать, как в институт приехала комиссия во главе с ярым сторонником Лысенко Ольшанским. Конечно, цель его комиссии была институт закрыть. Они походили по ИЦиГ и пришли на доклад к Михаилу Алексеевичу. И когда они стали говорить о том, что институт не соответствует линии партии, раздался телефонный звонок. Михаил Алексеевич взял трубку: «Алло... Из ЦК? ... Линия партии такая? ... А у меня тут товарищи говорят обратное? Ошибаются, говорите? ...Ну, спасибо!». Комиссия уехала ни с чем. Было это на самом деле или нет, я не знаю, но Михаил Алексеевич рассказывал эту историю именно так и с большим удовольствием. Мы всегда спрашивали, кто же это звонил на самом деле, но он никогда не отвечал. И только однажды сказал, что это из соседней комнаты звонил С. А. Христианович. Отшутился он или сказал правду, я тоже сказать не могу.

— Комиссия уехала ни с чем, но уже через неделю мне сообщили, что Хрущёв сильно сердит на меня и склонен сменить руководство СО АН СССР. — пишет в своих воспоминаниях сам Михаил Алексеевич. — Я узнал, что Хрущёв летит в Пекин на празднование 10-летия Китайской Народной Республики, а потом собирается заехать в Новосибирск, где будет произведена перестройка СО АН с ликвидацией «цитологии и генетики» и возможной сменой руководства Отделения. Надо было во что бы то ни стало перехватить Хрущёва до его приезда в Новосибирск, где он может принять непоправимые решения. Через московских друзей я был включен в одну из делегаций в Пекин. В Пекине я быстро понял сложность ситуации: во-первых, проникнуть к Хрущёву было невозможно, а во-вторых, мою делегацию должны были возить по Пекину ещё 10–15 дней, сократить поездку было нельзя, поскольку способов индивидуально уехать домой не существовало. На аэродроме в толпе я пробрался к Хрущёву и на вопрос «А Вы чего тут?» ответил: «Никита Сергеевич, возьмите меня с собой».

Ни во время перелёта до Владивостока, ни в самом Владивостоке переговорить с Хрущёвым не удалось. Но пока самолёт летел до Новосибирска, Лаврентьеву удалось переменить настроение Никиты Сергеевича. И хотя Дубинин был в итоге уволен с поста

директора, институт удалось сохранить. А на место директора, несмотря на мощное давление со стороны лысенковцев, был назначен Дмитрий Константинович Беляев.

— Два года спустя, когда Хрущёв ещё раз посетил Академгородок, вопрос об Институте цитологии и генетики кончился шуткой, — пишет Лаврентьев. — Зайдя в сопровождении местного руководства (обкома и СО АН) в выставочный зал, он обратился ко мне с вопросом: «А где ваши вейсманисты-морганисты?» Я ответил: «Я же математик, и кто их разберет, который вейсманист, а который морганист». На это Хрущёв отреагировал шуткой: «Был такой случай. По Грузинской дороге шёл хохол, его остановили яро спорившие грузин и осетин и потребовали: «Рассуди нас. Что на небе — месяц или луна?» Хохол посмотрел на одного — у него за поясом кинжал, на другого — тоже кинжал, подумал и сказал: «Я ж не тутошний»... Общий хохот, дальше все смотрели выставку в хорошем настроении.

Говорят, это не единственный случай, когда Лаврентьев на упрёки о «пригретых генетиках» отшучивался полным непониманием вопроса. Но, скорее всего, Михаил Алексеевич лукавил. Кроме учёных, организовавших «письмо трёхсот» в защиту генетики, и Михаила Алексеевича, сумевшего отстоять институт, генетики должны быть признательны ещё и двум женщинам — Вере Евгеньевне Лаврентьевой, супруге Михаила Алексеевича, и её матери, Вере Михайловне Данчаковой. Ведь столь твёрдая позиция и вера в генетику у Лаврентьева появилась не случайно.

— Вера Михайловна Данчакова — известный биолог, — рассказывает Владимир Константинович Шумный. — Оставив должность приват-доцента Московского университета, она по Рокфеллеровской стипендии 12 лет проработала в Колумбийском университете на кафедре Томаса Ханта Моргана. Сегодня Морган в первую очередь известен как основатель классической генетики, но в то время он был известен как эмбриолог и возглавлял кафедру в Колумбийском университете с 1904 года. Вера Михайловна, приехав на кафедру Моргана, занялась исследованием механизмов регенерации клеток крови. Именно тогда она одной из первых выходит на изучение стволовых клеток. Её работы по стволовым клеткам были пионерными и широко цитировались и цитируются до сих пор, ведь исследования по стволовым клеткам переживают сейчас настоящий бум. В современных обзорах в Америке Данчакову (Vera Danchakoff) называют «матерью стволовых клеток».

Вера Евгеньевна Лаврентьева, около 1930 г.

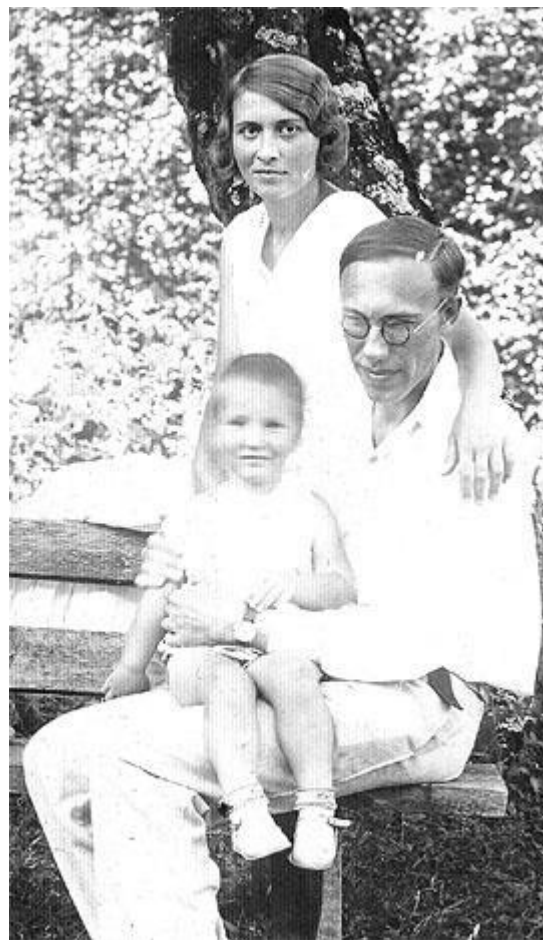
Вера Михайловна Данчакова, нач. XX в.

С Верой Михайловной в лаборатории работает и её дочь, тоже биолог, Вера Евгеньевна Данчакова, ставшая впоследствии Лаврентьевой. Данчаковы непосредственно вопросами генетики не занимаются, но на их глазах свои исследования проводит Морган. Именно в Колумбийском университете Морган впервые организует мужскую комнату, начав опыты с дрозофилами, ставшими затем классическим объектом исследования генетиков. Естественно, и Вера Михайловна, и Вера Евгеньевна хорошо знают о теории хромосомной наследственности, над которой и работает в то время Томас Морган.

В 1926 году Веру Михайловну Данчакову приглашают вернуться в Советский Союз, чтобы организовать новый биологический институт в Останкино, на окраине Москвы. Вера Михайловна вызывает из Америки в Москву свою дочь, Веру Евгеньевну. Вскоре Вера Евгеньевна знакомится с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым и становится его женой.

Не приходится сомневаться, что Вера Евгеньевна не только сама хорошо знала об опытах Моргана, но и рассказала о них Михаилу Алексеевичу. Так что он имел реальное представление о генетике и о том, кто такие «морганисты». В 1933 году Томас Морган получает первую Нобелевскую премию по генетике. В нашей же стране нападки на генетику прекратились только в 1964, с уходом Хрущёва. Шестнадцать лет опалы не прошли для отечественной генетики бесследно, но всё-таки её удалось сохранить, и огромная заслуга в этом принадлежит Михаилу Алексеевичу.

— Я даже думаю, что генетики не менее благодарны Лаврентьеву, чем математики или механики — для нас он сделал очень много. Да и Михаил Алексеевич очень гордился нашим институтом: создание СО АН и его борьба за генетиков были двумя излюбленными темами Лаврентьева. Хотя, если честно, без Михаила Алексеевича не получилось бы не только нашего института, но и Академгородка. Хрущёв допустил много ошибок, но в данном случае, доверив Лаврентьеву организовать СО АН, он сделал единственно правильный выбор — только Михаил Алексеевич мог создать всемирно известный научно-образовательный центр, — уверен Владимир Константинович.

Лаврентьевы, совсем ещё молодые.

*Фото из семейного архива
Лаврентьевых.*

Источник:

Черная Ю. [Лаврентьев и генетика](#) // Наука в Сибири. – 2012. – N 45. – С. 4.